

В Москве ожидается большое событие. 2 и 3 и 15 февраля на сцене Театра имени Пушкина спектаклем «Дядя Ваня» открывается новый театр «ET CETERA». Создал его один из популярнейших артистов Александр Калыгин.

— Как возникла эта безумная идея — в наше жуткое время открыть новый театр?

— Четыре года назад на курсе, которым я руководил в школе-студии МХАТа, мы решили по окончании не разбегаться, а продолжить свою жизнь театром. Но студенты были очень сильные, их всех быстро разобрали другие режиссеры. Да и я как-то затынул это дело. Короче говоря, тогда все разошлось. Но мечта осталась.

И вот год назад мы зарегистрировались как театральное предприятие, и все это время делали одно очень важное дело — собирали деньги. Было сложно. Спонсоры появлялись и исчезали. Потом «вмешались» новые границы: появился один чудный человек в Казахстане, но его деньги через кордон пробиться не могли — казахский банк не пропускал. Люди, которые хотели нам помочь, в силу инфляции или других причин вынуждены были мило улыбнуться, раскланяться и уйти.

Те, кто с нами остался, ни в коем случае не диктуют нам условия. Мы сами по себе, и нам полностью доверяют. В этом отношении я чист перед собой — никому не служу, кроме искусства. Естественно, в том виде, в каком я его вижу.

— А каким вы видите свой театр?

— В какой-то мере он будет антрепризным. Например, в спектакле «Дядя Ваня», которым мы открываемся, заняты Василий Лановой, Алексей Кузнецов и Владимир Симонов — они из театра Вахтангова. Известная актриса Татьяна Ленникова — из МХАТа.

Лановой приглашен в «Дядю Ваню» не потому что он известен. Выбрав эту пьесу, мы с режиссером-постановщиком Александром Сабининым думали, кто бы мог сыграть, и главное — испытать радость от роли, которую он, может быть, никогда не сыграет в своем театре. Но антреприза — это только одно направление. Параллельно я буду собирать и свою труппу.

— Вы все-таки хотите видеть у себя выпускников того курса, с которыми замыслили сделать театр четыре года назад?

— Я бы мечтал. Не все, конечно, придут. Артисты они талантливые, многие заняты в спектаклях (а их взяли к себе и Ефремов, и Захаров, и Фокин), снимаются в кино. Но кто-то вернется. Например, Андрей Панин, мой ученик, уже ставит в моем театре спектакль «Забавный случай» Гольдони.

Конечно, я понимаю — надо быть полным идиотом, чтобы сейчас заниматься открытием театра. Иногда я чувствую себя камикадзе. На меня как на художественного руководителя ложится масса проблем. Декорации того же «Дяди Вани» в мае прошлого года стоили полтора милли-

она, в августе — уже три. А сколько сейчас — об этом лучше вообще не говорить. Но, думаю, я все-таки с ума не сошел. По крайней мере, смотрю на все это трезво. Так же, как директор театра Константин Батырев, который большую часть проблем переложил на себя.

Режиссерских амбиций во мне нет. Самое главное, о чем мечтаю, — при театре соз-

Но мысли у меня, как ни странно, крутятся вокруг классики.

— Вы считаете, что сейчас наши драматурги не пишут хороших пьес?

— Думаю, им трудно освоить это время. Наши закаленные драматурги молчат, опешили. А молодые — тем более, потому что нужно мастерство, чтобы все это художественно осмыслить. Конечно, можно

буду искать такое помещение, чтобы разместить сразу и театр, и студию.

— Вы затронули больной вопрос, особенно для нашей культуры — деньги. Интересна реакция людей, к которым вы обращались за помощью.

— Конечно, добрые люди есть. Но большинство богатеньких не понимает, что вложение денег в искусство приносит

материальное, нравственное удовлетворение. Это, если хотите, создание определенного имиджа, стиля жизни. Взять хотя бы пример Арманда Хаммера или барона фон Тиссена. А у наших — погулять за 100 тысяч и жить по принципу «качество денег определяет их количеством» — как это скучно! Но государство, к сожалению, мало помогает культуре, и сейчас много зависит именно от спонсоров и меценатов. Большинство бизнесменов мечтают о славе Саввы Морозова, не затратив при этом каких-то усилий. Приходилось долго объяснять им, что театр не приносит дохода и что они будут вкладывать деньги в бездонную бочку. Трудно пока понять нашим бизнесменам, что главное назначение театра — духовное воспитание. В том числе и их самих, и их окружения. Я благодарен «СибАстроВАЗу», фирме «МАКС», рекламному агентству «Телебанк», акционерному обществу «ТОР» и Мосбизнесбанку за то, что они нас поняли.

— Три года назад я перешел на договор и продолжал играть то, что считал нужным. Сейчас я занят в «Трагиках и комедиях», «Игроках» (этот спектакль, правда, не мхатовский). Теперь репетирую главную роль в трагедии Пушкина «Борис Годунов».

— Как складываются отношения с Ефремовым?

— У нас с Олегом Николаевичем, с одной стороны, близкие отношения, родные. И как у всех близких людей, любое неосторожное слово может восприниматься с обидой. У нас отношения, всегда требующие подтверждения, что не зря прожили столько лет в театре. Мы ведь с ним пришли во МХАТ почти одновременно, больше 20 лет назад.

— У нас с Олегом Николаевичем, с одной стороны, близкие отношения, родные. И как у всех близких людей, любое неосторожное слово может восприниматься с обидой. У нас отношения, всегда требующие подтверждения, что не зря прожили столько лет в театре. Мы ведь с ним пришли во МХАТ почти одновременно, больше 20 лет назад.

Всякое было за эти годы. Мы и ссорились, и уходили друг от друга, ругались и опять понимали, что порознь нам тяжело. Я подчеркиваю, что это очень родные отношения, которые в себя включают все — и разрывы, и обиды. Только не мстить. Короче говоря, Ефремов уговорил меня репетировать Годунова, как когда-то — Ленина. Попробовать! Я пока не знаю, что это будет. Мне кажется, что это трудное для постановки произведение, но Ефремов давно им болен. Видимо, для него очень важно через «Бориса Годунова» осмыслить то смутное время, в котором сейчас мы все живем.

Знакомился с материалом, с документами тех времен и поражаюсь, был потрясен не только похожестью и параллелями... Ассоциации с нашим временем возникают без всякого напряжения. Ужасно, что история ничему нас не учит. Совершаются те же самые ошибки! Так что сыграю я Годунова или не сыграю — по крайней мере, мои познания нашей истории станут глубже. Мне кажется, Ефремов сейчас готов к тому, чтобы поставить «Годунова» и найти в нем то, что может поразить зрителя.

— Как он отнесся к созданию вашего театра?

— Он в курсе, а как относится, пока не знаю. Знаю, что театр я не собираюсь бросать — он моя любовь и моя боль.

— А кино? Ваши Платонов в «Механическом пианино» и Эзоп неизбежны. Недавно в очередной раз, и, как всегда, с большим удовольствием смотрела по телевизору «Здравствуйте, я ваша тетя!»

— Спасибо. Кино приносит удовлетворение, и некоторые роли являются открытием меня самого. Но все же моя стихия — Театр. Ему я не изменю никогда.

Беседовала Марина ОВЦОВА.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ...

Моск. комсомолец. - 1993 - 30 янв

**Александр
КАЛЫГИН:
«Иногда
я чувствую
себя
камикадзе»**

дать театральную школу. Это, по-моему, мечта любого режиссера. Не просто театр, не просто открыть занавесочку — таких занавесочек открывается по вечерам много, а именно создать классическую связь, благодаря которой живет театральное искусство: школа — театр.

— Так теперь вы будете только руководить?

— Со временем я буду и ставить, и играть. Сейчас же пока работают другие режиссеры, а я выбираю подходящую пьесу. Сергей Тонгур будет ставить «Потоп» Бергера. Если нам захочется, будем ставить и психологическую драму, и шоу. Все, что осваивает искусство театра.

ставить, например, три дня из жизни Николая II... Но меня это не очень греет. Вот через классику я смогу показать жизнь, потому что многое стал понимать в нашей жизни, сопрягая ее именно с классикой. Но это не значит, что я напрочь отвергаю современную драматургию...

— А где ваш театр будет располагаться?

— Пока мы арендуем помещение у Театра имени Пушкина. Не каждый театр пойдет на такое, и за это мы ему благодарны.

Премьера «Дяди Вани» пройдет именно там. Хотим, чтобы люди привыкли к определенному «месту жительства» театра «ET CETERA». В дальнейшем я, конечно,

буду искать такое помещение, чтобы разместить сразу и театр, и студию.

— А вы пытались обращаться к чиновникам с тем, чтобы ваш театр получал дотацию?

— Я не хочу. Я знаю, что мне откажут. Будут признаваться в любви, но денег не дадут. Перед человеком богатым, но знающим я не боюсь быть просителем, когда речь идет о театре, о спектакле. При этом мои принципы никто не согнет, потому что я всегда знаю, к кому иду. И даже если такой человек откажет, это не так противно, как идти к чиновнику. Хотя должен сказать, что с созданием школы нам помогал Махарадзе из гайдаровской команды. Жаль — не довел до конца. Надеюсь, что правительство обратит на нас внимание и даст для школы субсидии... Ох, как скучно мы с тобой что-то говорим — о деньгах, о чиновниках!

— Да уж, действительно. Самый раз поинтересоваться, как ко всему происходящему относится ваша жена Евгения Глушенко?

— Ну, она, конечно, уважает мое дело, потому что сама актриса. Что касается театра, она считает, что в этой стране, в наших условиях очень трудно сделать что-то такое, что будет приносить удовольст-